Саяма Микото пребывал во сне.

Он осматривал убранство огромного деревянного строения. Его взор существовал ровно посередине.

Структура здания напоминала собой интерьер Синтоистского храма.

Однако оно было гораздо больше, чем какой-то храм. Потолок возвышался не менее чем на тридцать метров над головой, а вход, сквозь который проглядывалось небо, растянулся на пятьдесят метров в ширину.

…Я не узнаю это строение. Это и в самом деле сон.

Саяма переместил свое восприятие, чтобы рассмотреть вход. На той стороне виднелось красное небо. Горящее, и мерцающее небо.

Мне снится пожар, — подумал Саяма.

Небеса покрывало мерцание и пламя, а вниз осыпались искры, словно дождь.

Воздушная бомбардировка? — подумал он, но тут же поправился, — Нет, это другое.

Звук, наполнивший воздух, не походил на рев пролетающих над головой самолетов, или свист бомб, падающих с неба. То был звериный рык, напоминающий отдаленные грозовые раскаты.

Этот звериный голос разрывался в пространстве.

И пока крик отражался в воздухе, Саяма заметил внутри здания новое движение.

По обе стороны от переднего входа закрывались огромные врата.

Саяма наблюдал за уменьшением разрыва между двумя их краями.

Над парнем багровело небо. Он находился на некоей возвышенности. По-видимому, на вершине какой-то горы.

Когда Саяма посмотрел вниз на землю, он узрел море пламени, идентичное небу.

Вероятно, раньше ландшафт состоял из полей, лесов, посёлков и отдаленных гор, но всё это обернулось багровым полем, нарастающим в одних местах, и спадающим в других. Как только

какая-то область возносилась и обрушивалась, в небеса поднималось еще больше искр.

Саяма неожиданно осознал, что за закрывающимися вратами находилась женщина.

Престарелая фигура стояла к нему спиной. У нее были черные волосы, она носила простое белое одеяние и желтый плащ поверх него.

Затем, Саяма увидел двух мужчин, бегущих из-за пределов его поля зрения в сторону входа.

Впереди бежал мужчина средних лет. На нём были грязный лабораторный халат и очки.

Он бежал к закрывающимся вратам и женщине, стоящей за ними.

Второй же был невысок, и носил простое черное одеяние.

Он спешил за мужчиной в лабораторном халате.

Саяма увидел, как мужчина в черном догнал бегущего впереди, и повалил его на землю.

На фоне горящего снаружи мира и звериного рыка послышался звук падения двух мужчин.

Человек в лабораторном халате заорал, но не на мужчину, который его удерживал.

Он закричал сквозь закрывающиеся врата:

— Вы не можете! Вы… Вы же их лидер, разве нет?! Почему же Вы вознамерились здесь умереть?!

Женщина, стоящая снаружи, не оборачивалась к мужчине. Вместо нее ответил мужчина в черном.

— Таково правило! Так мы вершим свои дела!

Мужчина в халате собирался выкрикнуть еще один вопрос, но остановился.

Мужчина, удерживающий его на земле руками и коленями, поник головой.

Не успела над ними нависнуть тишина, как от закрывающихся врат неожиданно прозвучал голос.

— Оружейный бог, позаботься о нем.

Мужчина в черном кивнул, не говоря ни слова.

Врата не прекращали закрываться. Оставалась всего метровая брешь, но из нее по-прежнему слышался голос женщины.

— Инженер из страны, связанной с нами иным Гиром, эти семена были посеяны нами. Если Ямата поглотит наш мир, он, скорее всего, доберется сквозь эти врата и до вашего.

Мужчина в лабораторном халате поднял голову.

— Если бы… если бы только у меня было больше силы… Если бы только я решился раньше!..

— Да, — ответила пожилая женщина. Она продолжила чуть более ласковым тоном. — Все думают так. Те, кто не сумел достичь этого места, и те, кто сумели. Но, как и тебе, нам не хватало силы. …Защити собственный Гир.

И…

— Сможешь ли ты уберечь свой мир от разрушения?

Мужчина в лабораторном халате не смог ответить. Он лишь скрипнул зубами, удерживаемый на земле.

Пока врата закрывались, окружающие стены окрашивались мраком.

— Послушай, — произнес мужчина в черном. — Две тысячи человек, что уместились в этом храме, будут перемещены в твой мир. Наша слава, говорят, некогда была неизмеримой, но она была разрушена и потеряна. В итоге, мы лишимся и нашего мира!

— Кх, — заскрипел мужчина в лабораторном халате.

Его перекошенное лицо повернулось к закрывающимся вратам. Саяма развернул свой взор в том же направлении.

Там оставалась пожилая женщина, видневшаяся сквозь небольшую щель.

Она повернулась к небесам, и в серебряном небе на краю взора Саямы показался одинокий язычок пламени.

Пламя приняло форму дракона. Подобный змею огненный дракон имел восемь голов.

Он был не менее километра в длину и продолжал растягиваться еще сильнее.

Проносясь сквозь небо, он развернулся к ним и открыл всё восемь ртов.

Мгновение позже Саяма услышал голос.

Он принадлежал женщине, возвышавшейся за вратами. Она произнесла с интонацией в голосе:

— Я…

Едва ее ритм начался, врата с грохотом затворились.

С исчезновением внешнего света строение окутала тьма. Но из-за врат все еще слышался голос.

Но совсем другой. В сравнении с голосом женщины ранее, он полнился силой и сотрясал окружающую площадь. Это…

…Голос дракона.

Он не использовал слова.

То был звериный вопрос. Это был клич, заполненный интонацией, сотканной из единого чувства и решимости.

То был драконий плач.

Тот клич, спадающий с небес, являлся голосом дракона.

И он впитал в себя значение вопроса.

— ————!!!

Он спрашивал.

Он требовал две вещи от своего слушателя.

Он призывал к ответу и к разрушению.

Его крик пронзал пространство в поиске ответа и в желании уничтожать.

И в тот же час всё окружающее охватила темнота.

И в тот же миг Саяма услышал протяжный крик, наполненный как грустью, так и возмущением.

И едва лишь крик насытился мучением, образы и звуки, которые Саяма воспринимал, исчезли.

●

Саяма проснулся.

В утреннем воздухе веяло прохладой, а восходящее солнце сияло так ярко, что выглядело почти белым.

Парень сел на своей кровати общежития.

Но отголоски сна отчетливо грохотали в голове, поэтому он чувствовал себя немного оторванным от реальности.

Пока его заспанные глаза пытались сфокусироваться, Саяма вспоминал свой сон.

Мир был сожжен, многое было утрачено, и, в конечном счете, его покинули.

Вот что ему приснилось.

…Это разрушение другого мира? Другого Гира?

— Это была весьма трудновыносимая сцена. …Но мне кажется, я понимаю, почему ее увидел.

Саяма молча потянулся к своей макушке. Мягкое ощущение над его головой оказалось Баку.

Баку был четвероногим зверьком с телом, покрытым тонким мехом. Саяма подобрал его и понял, что маленькие глаза зверька закрылись во сне.

Это животное, несомненно, и показало ему прошлое.

Затем Саяма потянулся в сторону.

Он обнаружил там книгу. Это часть исследовательского доклада, написанного Кинугасой Тэнкё, в котором содержались легенды и мифы со всего света.

…Баку, должно быть, призвал прошлое в ответ на то, что я читал прошлой ночью.

Это был второй том, подробно описывающий японскую мифологию.

Скорее всего, это 2-й Гир был уничтожен в моем сне, — подумал Саяма, бросив взгляд в потолок.

Но, потянувшись к книге, его рука дотронулась до чего-то теплого и мягкого.

—…Э-э.

Прикосновение сопровождалось голосом.

Любопытствуя, что же произошло, Саяма глянул вниз. И когда его зрение обрело четкость, парень направил взгляд на одеяло, укрывающее его тело.

Но он обнаружил кое-что другое.

По какой-то причине в боковом положении от него торчал зад.

Две голые ноги расположились в воздухе у лестницы слева, и спина, прикрытая рубашкой, виднелась у стены справа. Между ними расположился зад, плотно прикрытый нижним бельем.

— А…нет, стой…

Как только Саяма услышал этот взволнованный голос, заметил колыхающиеся волосы и увидел ёрзанье округлой кожи перед ним, он выдал сонный комментарий:

— Почему ты неожиданно выделываешь такие непристойные действия, Синдзё-кун?

— Эт-то потому, что ты неожиданно поднялся! И как раз перед тем, как я пытался тебя разбудить.

— Вот как, — пробормотал Саяма, но его разум все еще путался ото сна. — Значит, я сел и потянул тебя к себе, когда ты склонился над кроватью.

— П-почему ты так спокойно анализируешь это с раннего утра?

— Тогда позволь мне выдать другой анализ. …Оу! Какая задница, Синдзё-кун!

— Лучше помоги мне, вместо того, чтобы вести себя ошалело!

— Хм, — Саяма наблюдал, как зад двигался вверх и вниз перед его носом. В конечном счете, он заговорил с мягким, но уверенным тоном в голосе. — Восхитительно.

— Ч-что? Мне показалось, или ты только что-то сказал нечто странное?!

— Я всего лишь констатировал факт. Так или иначе, тебе нужно успокоиться. Вот, я помогу тебе подняться.

— Э? Ах! Н-нет, перестань. Не трогай мой зад!

— Я его не трогаю. Я за него хватаюсь!

— Это одно и то же! Прошу, проснись перед тем, как… Ай, н-нет! Не тяни за мое нижнее белье! Оно поднимается!

— Тогда как же мне ухватиться, чтобы помочь тебе подняться?

— Эм…— пролепетал Синдзё, повернув голову к Саяме.

Их взгляды встретились, из-за чего Синдзё смутился и выглядел взволнованно.

— Что я должен делать? — пробормотал Синдзё, перестав беспорядочно мотылять ногами.

Его ноги теперь свисали с края кровати и их вес начал тянуть его вниз.

— Ой!

Когда Синдзё запаниковал, Саяма подхватил его талию двумя руками.

Все произошло за секунду.

Саяма развернул Синдзё лицом вверх и посадил его к себе на колени.

Синдзё бессмысленно мотнул ногами два или три раза.

— Мм, — вздохнул он, оказавшись пониже плеч Саямы.

Его вспыхнувшее лицо глянуло вверх.

— П-прости, что вызвал такую сумятицу с самого утра.

— Не переживай об этом. Быть разбуженным другим человеком — одно из проявлений счастья.

— Правда?

— Я полагаю, ты не поймешь, ибо всегда просыпаешься раньше меня. Возможно, нам следует однажды поменяться местами.

— Саяма-кун, а как бы разбудил меня ты?

— Ну, чтобы уж наверняка, я бы проделал утренний борцовский захват, или лег рядом с тобой и нашептывал бы тебе нескончаемые сладенькие речи, пока бы ты не проснулся. Неплохо будет, не думаешь?

— Нет.

Синдзё отвёл глаза, вздохнул и отодвинулся от Саямы.

Поставив ноги на лестницу, он повернул озадаченный взгляд к Саяме.

— Эм… После того, как ты проснешься, как насчет завтрака на террасе столовой?

— Звучит неплохо. Помнится, в утреннем меню тороро соба и лимонный коктейль.

— Почему они всегда подают тут такие странные комбинации?

Синдзё склонил голову, пока его стройная спина и волнистые черные волосы опускались по лестнице.

Наблюдая за его спуском, Саяма кое-что осознал. Когда он только что подобрал Синдзё, его

перебинтованная левая рука совсем не болела.

…Она почти полностью зажила.

Как только его рана заживет, у Синдзё не останется причин находиться в школе.

Парень неожиданно ощутил разочарование и горько улыбнулся.

Если он думал об этом таким образом…

…Я принял Синдзё как близкого мне человека.

Так что же он будет делать, если Синдзё и вправду уйдет?

— ————

Одной ветреной ночью он обменялся с Синдзё Сецу определенным обещанием.

— Если ты не желаешь быть здесь, а я желаю тебе лучшего — я тебя возненавижу.

Саяма добавил «как злодей» себе под нос, и кивнул.

После чего, он подхватил правой рукой толстую книгу в твердом переплете и вылез из-под одеяла.

●

После 6:30 город полнился светом.

Система общественного транспорта работала уже с самого утра.

Некая железнодорожная станция была частью Линии Тюо, что пересекала Токио с востока на запад. Утренний поезд, покинувший Токио, прибыл на Станцию Отяномидзу, третью с востока.

В такую рань в поезде находилось всего несколько человек.

В первом вагоне сидело всего двое.

Ими оказались Касима и Ацута, возвращавшиеся с ночного караула.

Касима надел очки и открыл свой ноутбук на коленях.

Он разговаривал с Ацутой, сидящим справа, не поворачиваясь к нему лицом.

— Ацута, как ты можешь садиться в поезд в таком наряде? Ты выглядишь как косплеер.

— Перед тем как давать мне советы, аки мамочка, тебе не мешало бы разобраться с собственным ненормальным прикидом. Лабораторный халат поверх рабочих шмоток? Твоя жена никогда не спрашивала об этом дома?

— Нацу-сан очень понимающе относится к моей работе.

— Что удивительно для кого-то родом из Лоу-Гира. …Ты до сих пор ей не рассказал?

— Нет. Она по-прежнему не в курсе о UCAT. Ничего не поменялось с наших университетских дней. Она думает, что я решил взбираться по корпоративной лестнице в ИАИ.

Молодой мужчина по имени Касима поводил по сенсорной панели, и на мониторе запустилось несколько разных программ.

— С тех пор, как у меня родился ребенок, я не удержался и открыл вебсайт. Глянь на это видео с ней. Смотри, смотри. Она собирается заплакать. Ах, она плачет. Какая прелесть.

— Ты заставляешь плакать меня, придурошный папаша.

— О чем ты говоришь, дурачок? Ты не можешь отрицать какая она прелесть. Мне нужно повторить еще раз? Она такая прелесть.

— Это и делает тебя придурком, придурок. Малыши ничем не отличаются от обезьян.

На эти слова Касима выдал зубастую улыбку.

— Обезьяны? Мне не послышалось? Ты это сказал? Но у меня сейчас такая счастливая жизнь, что я не разозлюсь даже на это. На самом деле, мне жаль, что ты не можешь понять, насколько она милая, Ацута.

— Это пугает. Ты утратил важную эмоцию.

— Ха-ха-ха. Прости, прости. В свое время я так же смеялся с родителей, но, как только родился мой собственный ребенок, то сразу же пошел и купил видеокамеру. Я действительно сошел с ума.

Двери поезда закрылись, он качнулся и начал двигаться.

Тем временем Касима закрыл видео на компьютере.

— Но Ацута, ты их всех отпустил, не так ли? Что это за такой фальшивый защитник справедливости из тебя получился?

— Не глупи. Принцип «Поймай и отпусти» — стандартный подход, когда дело касается злодеев. Если сделать что-нибудь еще, в итоге не останется кого побеждать.

— Как твоя мама вообще тебя растила?

— Она говорила мне всегда быть честным.

— Замечательный урок. Я возьму это на заметку, когда буду учить свою дочку.

Касима вздохнул.

— Что ж, теперь, — сказал он, и его выражение лица поменялось. На нем возникло едва заметное напряжение. — Кто же они такие? Они, похоже, происходят из разных Гиров. Это жутковато.

— Почем мне знать? Для меня они просто кучка врагов. Мне нужно спрашивать у людей их имена, возраст, домашний адрес и род занятий, перед тем как их отделать? — Ацута вздохнул, засунул руку в карман плаща, и вытянул ноги на проход между сиденьями. — Ты и дальше будешь заниматься одной только регулировкой Облаченных Мечей?

— Тот случай восемь лет назад дал мне понять, что создавать их — не мое. Ты в курсе, что мой отец делает сельскохозяйственные орудия и работает фермером?

— Мне всегда неловко от того риса, который он присылает мне каждый год. …Но твой дед был величайшим кузнецом мечей 2-го Гира, разве нет? И ты по-прежнему не решаешься напрямую создавать орудия для убийства людей?

— Я скажу — да, — отрезал Касима, уставившись вперед. — У меня есть определенная сила, но я решил ее не использовать. Так проще жить. …И я ничего не стану рассказывать моей семье. Я не сомневаюсь что те, кто натурализовались из прочих Гиров, сталкиваются с теми же проблемами.

Договорив, Касима задумался. В конце концов, он выдал горькую улыбку и снова проговорил:

— Сколько раз мы уже об этом говорили?

●

На втором этаже школьной столовой находилось всего несколько школьников с утренних занятий, так что было очень тихо.

Окно западного стиля распахнули, чтобы обеспечить циркуляцию воздуха.

Это вызвало прохладный сквозняк и отдаленный шум и крики от тренировок спортивной команды. И…

— Я слышу ударные и электрогитары.

— Они готовятся к Фестивалю Всеобщего Отдыха, весеннему школьному фестивалю, который проводится во время длинных выходных, до которых рукой подать. Ты знаешь Казами, казначея, не так ли? Ту, которая часто лупит людей. Она со своей группой будет выступать на фестивале. Это они репетируют.

Саяма и Синдзё несли подносы с завтраком к сиденьям у окна.

Они заранее заняли себе места за столом.

— Саяма-кун, ты сегодня тоже работаешь?

Сецу ничего не знал о UCAT, поэтому Саяма рассказал ему, что подрабатывает в ИАИ.

Саяма кивнул и припомнил свой утренний сон.

— Да. Я думаю, мне понадобиться кое-что там сегодня сделать.

За разговором они добрались до стола.

Саяма глянул на кое-что внизу.

На столе со стороны Синдзё у окна стояла кожаная сумка, и поверх нее лежала стопка бумаги.

Когда они покинули свою комнату, Синдзё торопливо подхватил эту бумагу со стола.

Саяма наклонил голову, приглядевшись к неопрятной стопке.

— Н-нет! Не смотри!

Синдзё лихорадочно юркнул к сиденью, практически швырнув поднос на стол.

— Ой, — произнёс Синдзё, осознав, что он наделал, но все равно прикрыл кучу разбросанной бумаги перед собой.

Поправив положение подноса, который чуть не свалился, Синдзё повернул глаза к Саяме. Кончики его бровей опустились.

— Т-ты видел?

— Нет. Я всего лишь увидел что-то вроде названия.

— Ты не прочел больше ничего?

Саяма мысленно вернулся назад, но он увидел текст всего на полсекунды.

Однако он мог догадаться, почему Синдзё так смутился.

— Так я был прав. Ты пишешь что-то непристойное…

— Вовсе нет. И что это за «я был прав»?

— Мне кажется, ты выдаешь мгновенное цуккоми[□]Два человека бокэ и цуккоми — отличительная черта мандзая, японской комедии. Бокэ (яп. □□ / □□) — дословно означает маразм или человека не от мира сего. Бокэ постоянно путается, забывает разные вещи и рассказывает глупости. Напротив, цуккоми (яп. □□□□ / □□□□ — «вклинивание») играет роль реалиста-прагматика и пытается поправлять первого. Подробнее на Википедии гораздо чаще в последнее время, Синдзё-кун.

— Я пытаюсь этого избегать. Подхватывать твою манеру опасно.

— Но тогда мне будет грустно.

— М-мне кажется, в данном случае это не страшно. Ну же, поешь и затем прими душ. Гляди, я могу отдать тебе вишенку из моего газированного коктейля. Смотри, две вишенки. Ты не будешь грустить после этого, правда? Правда?

— Бьюсь об заклад, это отлично сработает на маленьких детей, — произнес Саяма, глядя на свой коктейль с двумя вишенками.

…Ну, возможно, это и к лучшему.

Посерьёзнев, он поставил свой поднос на стол. Плечи Синдзё расслабились, и он облегченно вздохнул.

Он засунул бумажную стопку в черную папку в сумке.

Саяма присел, наблюдая, как Синдзё убирает бумагу.

— Так вот чем ты занимаешься поздно ночью и по утрам в последнее время? — спросил он.

Синдзё развернулся, отвел взгляд, и заговорил взволнованным тоном.

— …Да.

— Ясно. Удачи, но постарайся себя чересчур не утруждать. Кому-то вроде тебя необходимо следить за здоровьем. Если у тебя когда-нибудь возникнут трудности, приходи ко мне. Я могу посоветовать тебе хорошую больницу.

— Чисто из любопытства, какого рода эта больница?

— Больница, которой пользуется клан Тамия. Даже полнейший трус вернется храбрецом, потратив там три часа. Правда, через три дня, они почему-то начинают унывать.

— Они явно делают там что-то нехорошее.

Синдзё вздохнул, но затем сел и откинулся на стуле.

— Прости.

— За что ты извиняешься?

— Ой, ну… Я запаниковал и оттолкнул тебя всего минуту назад.

— Нет, не оттолкнул. Это моя вина. Я попытался заглянуть в то, что принадлежит тебе.

— Да, но… прости, — произнёс он, но смиренное выражение быстро возникло на его лице. — Саяма-кун, ты порой выглядишь как псих, и неожиданно делаешь странные, даже уголовные вещи, но ты очень строг, когда дело касается других людей и их секретов.

— У меня такое чувство, что у тебя сложилось неправильное суждение обо мне.

— П-правда? Но все говорят, что ты идиот, живущий во вселенной Саямы, где мир вращается вокруг тебя.

— Хм, если признать всё, что идет после этого, мне как-то тяжеловато понять, как кого-то с моими оценками могут называть идиотом.

— Э-э, идиот в другом смысле слова. …Стой, тебя не смущает все, что шло после?

— О? — Саяма наклонил голову. — Ты думал я всерьёз, Синдзё-кун? Не переживай. Это была шутка. Я знаю, что мир вращается вокруг солнца.

— А-ах ха-ха-ха. Н-ну конечно. Ты и вправду порой будто витаешь в собственном мире, поэтому я и уточнил.

— Ну, бояться нечего, Синдзё-кун. Еще со времен средневековья, мир следует гелиоцентрической теории. Со мной в качестве солнца, естественно.

— Э?! Ч-что? Что это было в конце?

— Ха-ха-ха. Сущая мелочь, Синдзё-кун. Не обращай внимания.

Саяма засмеялся, но неожиданно глянул в окно.

Рядом с отцветшими вишневыми деревьями выстроились школьные общежития. Перед ними расположилась стоянка для машин преподавателей и посетителей.

Саяма увидел женщину, шагавшую по мощеной дороге у стоянки.

У нее были волнистые белые, почти серебряные, волосы, и она оделась в черный костюм из двух частей, разбухавший в плечах.

Подол ее длинной узкой юбки непрерывно покачивался взад-вперед, потому что она шла, будто ступая по струночке.

Едва Саяма собирался отвести от нее взгляд, женщина неожиданно отреагировала.

Она мгновенно повернулась к нему и ее глаза озарила улыбка.

Их взгляды встретились.

Выглядело так, словно она его заметила. Саяма слегка сглотнул.

Между ними находилось не менее тридцати метров, и она двигалась в противоположную сторону от него.

Даже так, она повернула свои голубые глаза прямо на него, и на ее лице виднелась легкая улыбка.

Эта улыбка заставила Саяму нахмуриться, но он быстро переменился в лице.

Он ответил на ее улыбку спокойной своей.

И женщина отреагировала, едва ее увидела.

— ———

Она улыбнулась на полную. Ее слабая улыбка получила радостный взгляд в ответ.

С такой же приятной улыбкой, она повернулась назад и зашагала прочь.

Совершенно не заметив их обмена, Синдзё наклонил голову перед Саямой.

— Что это было?

— Приветствие, я полагаю. Кто-то захотел обменяться приятными улыбками, и я подчинился.

Начинается нечто новое, — подумал Саяма.

●

Стоя на гравии под ранним утренним солнцем, женщина, разодетая в черный двойной костюм, выдала приятный вздох.

— Это был хороший ответ. Лучше бы он конечно покраснел. Интересно, понял ли он, кто я.

Она улыбнулась и продолжила движение, зашагав на высоких каблуках по каменной тропе, но не издавая ни звука.

Перед ней открылась задняя часть общеобразовательного корпуса 3-го года обучения.

— Ну а теперь, пришло время встретиться с Зигфридом Зонбугом, библиотекарем Библиотеки Кинугасы, — сказала она со вздохом, осматривая очертания здания. — Мне нужно проверить состояние Лоу-Гира.

●

— Все сводится к тому, как нам следует жить тут, в Лоу-Гире.

Нет, серьёзно. Сколько раз я уже себя об этом спрашивал? — думал Касима, сидя в поезде.

Уставившись в потолок, Ацута тихонько проговорил:

— Твоя проблема в том, что мы так похожи на людей из Лоу-Гира, но все же, не совсем как они, так? Почему бы тебе просто не заморачиваться?

— Желая следовать последним словам моего деда, я так и делал. Но… в том случае восьмилетней давности я кое-что узнал. Я начал терять кое-что важное для меня, и больше не мог принимать собственную силу.

Закрыв глаза, он мог все это вспомнить.

Это случилось в дождливую ночь восемь лет назад.

В то время Касима занимался созданием Облаченных Мечей.

Он был в восторге от качества одного меча, и отправился в одиночку в горы на испытательный полигон неподалеку от UCAT.

…И я стал причиной тому несчастному случаю.

Касима слишком хорошо помнил результат своих действий и то чувство, которое они вызвали.

Взирая вниз с горы в ту самую ночь, мужчина видел, как разверзлась земля.

Заливаемый дождем и сжимающий рукоять того сломанного Облаченного Меча, он бежал в

сторону крупномасштабного разрушения.

Касима до сих пор помнил чувство, наполнявшее его в ту минуту.

…Чувство превосходства.

Пускай он был недоработан, но Касима все равно гордился своей способностью создать такой могущественный Облаченный Меч.

Но в следующий миг все его чувства заледенели.

С расстояния в несколько десятков метров вниз по склону Касима услышал голос.

Под непроглядной темнотой он явственно слышал крик.

Это был крик испуга. И он раздался из-под обрушившейся земли, где…

— !..

Пульс Касимы резко подскочил, и он открыл глаза.

Мужчина ощутил, как по всему телу выступил пот, и он неожиданно понял, что находится внутри поезда.

На него уставился Ацута.

— Ты в порядке, придурок? Не ныряй так глубоко в воспоминания. Это вредно.

— Да уж… Но я ничего не могу поделать.

— Если тебя слишком далеко уносит, начинай думать о груди своей женушки.

Касима с покорностью так и поступил.

— Да, они довольно хороши. Тут не поспоришь.

— Не начинай месить воздух прямо в поезде! Я же сказал только подумать о них, придурок!

— А-ага, но честно говоря, грудь Нацу-сан действительно расслабляет.

— Тебе сказать начистоту? Оружейный бог не должен быть так сексуально озабочен. А вообще, чего ты хотел? Ты сказал мне проехаться с тобой до дома, потому что хотел мне что-то рассказать, нет?

— О, да-да. Подожди секундочку.

При словах Касимы поезд дернулся.

После нескольких секунд замедления, он прибыл на следующую станцию, Ёцуя.

Никто не зашел. Лишь слегка прохладный сквозняк принес дыхание утра поздней весны.

Как только двери снова закрылись, Касима вытащил из кармана белый конверт.

— Надзиратель Ооширо принёс мне вот это. Директор Цукуёми передала мне всё полномочия.

— Дай-ка взглянуть. Старушка Цукуёми что, пытается от тебя отделаться? Ты сказал это о…

— Пути Левиафана, да.

Увидев недовольный взгляд Ацуты, Касима выдал горькую улыбку.

Его друг отображал его собственные чувства на удивление точно.

…Что позволяет мне вести себя более взросло.

— Мне даже сказали подготовиться к высвобождению концептов 2-го Гира.

— Посмотрим, посмотрим. Вот этот документ. Э-э, что тут написано? Л-л-леви…

— Путь Левиафана. Ты даже прочесть это не можешь? Я немного в шоке.

— З-заткнись. Читать утомительно, потому просто объясни на словах.

— Способ ведения переговоров оставлен всецело на меня. Директор Цукуёми, может, и лидер 2-го Гира, но она утверждает, что слишком занята, чтобы заниматься этим самой.

— Старушка просто хочет спихнуть эту мороку на кого-то другого.

На его словах поезд снова начал замедляться. Они приближались к Синдзюку.

— Ты пересаживаешься тут на другой поезд, так? И вернешься в UCAT, после того как поприветствуешь свою жену и малую, да?

— Да, — ответил Касима, забрав конверт у Ацуты. — Но нормально ли нам отвечать за Путь Левиафана?

— А чего бы и нет?

Касима не смог сразу же ответить. Он закрыл свой лэптоп, и вернул конверт обратно в карман.

…Как бы получше объяснить?

Пока он размышлял, светлая платформа Станции Синдзюку промчалась за окном, словно их догоняя.

— Ну, во-первых, тот случай, а во-вторых — мне как-то не интересен Путь Левиафана.

— А, ты это о последних словах твоего деда.

— Да, его последние слова. Он однажды носил меч, который запечатал Ямату, но его последние слова потеряли смысл девять лет назад. Как раз тогда мы осмотрели Сусаоо, гигантскую человекоподобную машину, созданную, чтобы сдержать Ямату. — Он устало вздохнул. — Освобождение концептов 2-го Гира подразумевает войти в Концептуальное Пространство, где спят те двое, и освободить печать Тоцуки, чтобы призвать Ямату.

— Ты говоришь так, словно есть одно большое «но».

Касима горько улыбнулся.

Поезд начал останавливаться, и прозвучал шум его металлических колес.

Окружаемый этим звуком и покачиванием поезда, Касима задумался. О том, что было у него на уме уже долгое время.

— Никто из нас не видел Концептуальной Войны. Даже Директор Цукуёми. В таком случае, имеем ли мы… нет, имею ли Я какое-либо право брать на себя освобождение концептов? — Он вздохнул. — У меня нет особой неприязни к этому Гиру, но я и не особо благодарен. Я родился тут, и жить тут — для меня совершенно естественно. …Так как же мы должны с этим разбираться?

На его вопрос Ацута нахмурился.

— Да ну, ты слишком сильно заморачиваешься. Представь, что это такой фестиваль. Устрой его красиво и захватывающе.

— Бывают моменты, когда я до боли завидую твоему характеру.

— А что ты думаешь о моем характере в большинстве случаев?

— Мне тебя жаль. Мне интересно, почему мир позволил такому существу, как ты, родиться на свет.

— Пошёл к черту. Я расскажу твоей женушке, что ее муженек на работе смотрит на людей свысока.

— Вот незадача, — сказал Касима, кивая, и поднимаясь. — Но это ничего. Нацу-сан очень понимающе относится к моей работе.

— Не потому ли, что ей просто нет до нее дела?

Касима схватился за поручень рядом с сиденьем, и повернулся к Ацуте.

— И я благодарен за это, — сказал он с улыбкой.

http://tl.rulate.ru/book/95927/3274817